

— Вот, попейте воды.

Нин Гуйчжу поставил чашки с водой перед Ван Чунхуа и Цинъань и сказал:

— Я схожу внутрь, возьму иголки, нитки и ткань.

— Хорошо.

Цинъань держала чашку с водой в руках и, дождавшись, пока Нин Гуйчжу войдёт в спальню, наклонилась к Ван Чунхуа и тихо зашептала:

— Брат Чжу такой мягкий и добрый... Неужели второй кузен правда во всём его слушается?

— Ты же знаешь своего второго брата, — ответила Ван Чунхуа. — Если с ним говорить жёстко, толку точно не будет.

Цинъань понимающе кивнула - она сама видела, каким бывает Сюн Цзиньчжоу, когда сердится.

Когда Нин Гуйчжу вернулся с иголками, нитками и тканью, он заметил, что они разговаривают, но ничего спрашивать не стал. Положив всё рядом, он сказал:

— Подождите немного, я схожу принесу что-нибудь перекусить.

Увидев, что он уже собирается идти на кухню, Цинъань поспешно остановила его:

— Брат Чжу, не нужно хлопотать. Давайте просто посидим и поговорим. Я слышала, что раньше ты работал в богатом доме, может, расскажешь какие-нибудь интересные истории?

Нин Гуйчжу показалось, что просто дать им воды - слишком скромно. Но они уже дважды сказали ему не беспокоиться, поэтому он не стал настаивать. Он сел, начал раскладывать нитки и, немного подумав, выбрал из воспоминаний прежнего хозяина тела несколько мелких историй.

— Особых историй нет, — сказал он. — Просто у богатых людей немного другие взгляды... Например, цветы и травы в горах они иногда ценят даже больше, чем людей...

Стоило разговору начаться, как трое быстро увлеклись беседой, время пролетело незаметно. Руки Нин Гуйчжу двигались уверенно: даже разговаривая, он не путал стежки. Постепенно внимание двух женщин переключилось на ткань в его руках.

— Чжу-гер, твои навыки шитья действительно хороши!

Они говорили совершенно искренне. Когда они сами шили одежду, главным было просто сделать вещь, о красоте обычно не думали. Это тоже было продиктовано жизнью: мало какие семьи могли позволить себе покупать ткань и нитки, чтобы молодые девушки учились шить. Даже Ван Чунхуа научилась этому только после замужества, уже в семье Сюн, у свекрови.

От таких искренних похвал Нин Гуйчжу стало неловко. Он кашлянул и сказал:

— Да ничего особенного...

Не зная, что ещё добавить, он просто сменил тему:

— Может, хотите научиться каким-нибудь узорам?

Сам он к вышивке особого интереса не испытывал, но женщины и геры, выросшие здесь, обычно любили, когда на одежде есть немного вышивки.

Как и ожидал Нин Гуйчжу, стоило ему это сказать, как Ван Чунхуа и Цинъань сразу оживились.

— Какие узоры? Мы правда можем научиться?

— Конечно, — улыбнулся Нин Гуйчжу.

Он даже встал, достал полоски ткани, оставшиеся после раскроя, ещё раз их подрезал и начал показывать им, как вышивать простые узоры.

...

Сюн Цзиньчжоу издали увидел вход в деревню Сяохэ, и его шаг сразу стал легче. Он невольно ускорил ход. Увидев, что у дома сидят несколько родственников, он, что было редкостью, даже довольно вежливо с ними поздоровался.

Старик, сидевший под навесом, увидел его и улыбнулся:

— Вернулся? Что же не ведёшь своего фулана познакомиться с нами?

Сюн Цзиньчжоу: ...

Лицо Лю Цюхун мгновенно потемнело. Знакомиться, значит? Раз хотелось увидеть, так сами бы и пришли! Не знают, что ли, какой у её сына характер? Если получат по шее, еще не факт, что она будет их защищать.

Сюн Цзиньчжоу взглянул на старика, покрутил в пальцах свёрток в промасленной бумаге и лениво, почти насмешливо сказал:

— Третий дед, мой фулан пугливый. Лучше вам с ним не встречаться. А то напугаете его, ваш внук потом может и не выдержать боли.

Старик, которого называли третьим дедом, сразу перестал улыбаться. Он схватился за грудь и изобразил, будто ему трудно дышать:

— Ты... ты совсем зазнался, уже и слова сказать нельзя...

Все вокруг опустили головы и занялись своими делами, будто ничего не заметили.

Сюн Цзиньчжоу удивлённо сказал:

— Вы только сегодня заметили, что я зазнался?

Сказав это, он даже не посмотрел на выражение лица старика, лишь кивнул матери и лёгким шагом пошёл обратно домой.

— Чжу-гер, — сказал он, закрывая за собой калитку. Увидев ещё двоих, он тоже поздоровался:
— Невестка, Цинъань.

— Кузен, — Цинъань встала и немного скованно поздоровалась.

Сюн Цзиньчжоу кивнул, не придавая этому особого значения. Он подошёл к Нин Гуйчжу, покачал перед ним свёрток и с улыбкой спросил:

— Этого хватит? Для того... как его... порошка для закваски?

— Хватит. Отнеси на кухню. Иди сначала переоденься, отдохни немного, потом будем готовить,
— рядом всё-таки были люди, и Нин Гуйчжу вдруг почувствовал неловкость, поэтому поспешно поторопил его.

Увидев его смущение, Сюн Цзиньчжоу, наоборот, остался в очень хорошем настроении. За последние пару дней он исподволь расспросил нескольких своих подчинённых. Все говорили одно и то же: смущаются только перед теми, кто им небезразличен. А если не нравится - сразу

хватают метлу и гонят прочь, да ещё и не станут отвлекаться от дел ради какого-то мужчины.

Сюн Цзиньчжоу выборочно проигнорировал ту часть, где говорилось, что речь идёт о незамужних.

Когда он ушёл в спальню, Ван Чунхуа отложила иголку с ниткой и с улыбкой сказала:

— Уже поздно. Нам с Цинъань пора возвращаться. Эти полоски ткани потом верну тебе.

— Ничего, не нужно возвращать, — Нин Гуйчжу сразу поднялся.

Проводив Ван Чунхуа и Цинъань, он закрыл калитку, собрал разбросанные иголки, нитки и ткань. Услышав, как дверь спальни тихо скрипнула, он невольно поднял голову.

Сюн Цзиньчжоу поправлял рукава. Увидев, что во дворе остался только Нин Гуйчжу, он вдруг вспомнил утреннюю сцену, и сердце у него сразу зачесалось от нетерпения.

Человек под солнцем стоял с чёрными волосами, собранными в хвост. Его кожа была белой, словно нефрит, а черты настолько изящные, что невозможно было отвести взгляд. Сюн Цзиньчжоу так и смотрел на него, не моргая. Лишь когда Нин Гуйчжу поспешно убрал вещи и ушёл на кухню, он резко пришёл в себя и широкими шагами последовал за ним.

Нин Гуйчжу закатал рукава и уже собирался месить тесто, одновременно небрежно отдавая распоряжения:

— Поставь воду кипятиться, нарежь немного вяленого мяса и сходи на задний двор сорвать немного зелёного лука.

— А, хорошо, — послушно ответил Сюн Цзиньчжоу и принялся за работу.

Нин Гуйчжу сначала замесил тесто из белой муки, затем понемногу стал подмешивать туда грубую зерновую муку. Благодаря тому, что её предварительно перемололи, тесто на ощупь уже не было таким шершавым, как раньше. Готовое тесто он раскатал на доске, припорошил поверхность мукой, сложил пласт и нарезал его на тонкие полоски, затем разрыхлил лапшу руками. Когда он закончил, Сюн Цзиньчжоу уже подготовил вяленое мясо и зелёный лук, а вода в котле закипела, оставалось только начать готовить.

Нин Гуйчжу отложил лапшу в сторону и сначала быстро обжарил миску зелёного лука с вяленным мясом. Ломтики мяса были нарезаны очень тонко, некоторые даже распались при жарке и перемешались с кусочками лука. Аромат стоял такой, что слюнки текли сами собой.

В доме ещё были яйца. Нин Гуйчжу быстро обжарил одно яйцо в крошку, затем влил в вок

кипяток, добавил нарезанную лапшу и, пока она варилась, плеснул немного соевого соуса для вкуса и цвета.

— Можно есть, — сказал Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу сразу погасил огонь в очаге, поднялся и поставил на стол блюдо с жареным луком и вяленным мясом.

Чашки для еды были небольшие, но наполнены доверху лапшой. Стоило подхватить её палочками и шумно втянуть, густой бульон с яйцом и ароматом соевого соуса сразу наполнял рот. Лапша была упругая и вкусная сама по себе, даже без добавок, а уж с жареным луком и вяленным мясом и подавно.

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу наелись до отвала, даже двигаться не хотелось.

Нин Гуйчжу посмотрел на пустую чашку из-под блюда, остановил Сюн Цзиньчжоу, который уже собирался встать, и сказал:

— Давай немного отдохнём, не спеши.

Всё равно посуда никуда не денется, рано или поздно её придётся мыть.

Сюн Цзиньчжоу посмотрел на руку, которой его удержали, и снова сел. Он совершенно естественно перехватил ладонь Нин Гуйчжу и слегка провёл пальцами по его кончикам, быстро находя тему для разговора:

— Сегодня уездный судья сказал, что ткацкую мастерскую уже подготовили. Он спрашивал, сможешь ли ты через три дня приехать в уезд и начать учить людей.

Внимание Нин Гуйчжу тут же переключилось на это.

— Через три дня... да, это не проблема.

Но потом он спросил:

— А уездный судья говорил, сколько дней нужно будет учить?

— Ну... — Сюн Цзиньчжоу задумался. — Наверное, пока большинство не научится? Думаю, это будет не очень быстро. А что?

— Если это займёт много времени, нужно будет попросить отца с матерью присмотреть за

курами, утками, собаками и огородом. Может, вечером занесём им немного денег и скажем?

Сюн Цзиньчжоу колебался:

— Если говорить так официально из-за такой мелочи, как помощь, отец с матерью могут почувствовать себя неловко.

— В этом есть смысл, — согласился Нин Гуйчжу.

Подперев подбородок рукой, он опустил взгляд на ладонь Сюн Цзиньчжоу, которая тихонько перебирала его пальцы.

— Но если это будет долго, всё равно как-то неловко совсем ничего не показать...

Сюн Цзиньчжоу на мгновение замер. Увидев, что Нин Гуйчжу не убирает руку, он стал держать её уже чуть более открыто. На губах появилась улыбка, а голос стал мягче:

— Можно просто почаще приносить им пирожки или мясо. Это тоже будет благодарностью.

— Мм... ладно.

С серьёзными делами было покончено, и они уже успели немного отдохнуть.

Сюн Цзиньчжоу пошёл мыть посуду, а Нин Гуйчжу плеснул немного воды в глиняный горшок, разбавив густой бульон. Затем достал из шкафа несколько булочек, разломал их и замочил в бульоне. После этого он взял горшок и вышел из кухни.

Увидев его, обе собаки тут же подбежали. Их короткие хвосты замелькали так быстро, что казалось от них остаётся лишь размытый след. Они жадно смотрели на горшок в его руках, а более шустрый Эрцай даже поставил передние лапы ему на голень и тихонько заскулил.

Нин Гуйчжу вылил их еду в бамбуковую миску, поставил горшок рядом с Сюн Цзиньчжоу и вдруг вспомнил:

— У тебя деньги на этот месяц уже закончились?

Утром он ничего не сказал, а Сюн Цзиньчжоу тоже не упоминал - деньги за промасленную бумагу он заплатил сам.

— Нет, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Ещё осталось несколько монет.

— Тогда возьми ещё немного, — подумав, сказал Нин Гуйчжу. — Ты ведь говорил, что собираешься купить мыльные бобы. Деньги на это возьми отдельно.

— Хорошо. Когда возьму, скажу тебе.

Услышав это, Нин Гуйчжу не удержался и рассмеялся. Сюн Цзиньчжоу поднял голову, увидел его улыбающиеся глаза и сам непонятно почему тоже улыбнулся.

Вымытую посуду убрали в шкаф. Затем они ополоснулись, помыли ноги и уселись под навесом, наслаждаясь коротким спокойным вечером.

Вечерний ветерок подул сильнее. Без солнца весенний сумрак стал прохладным. Они собрали овощи, сушившиеся во дворе, закрыли калитку и вошли в спальню.

Нин Гуйчжу развязывал верхнюю одежду и вдруг вспомнил слова Ван Чунхуа днём.

— Невестка говорила, что у тебя не очень хорошие отношения с другими родственниками. Что там случилось?

— Да всё мелочи, — Сюн Цзиньчжоу подошёл ближе, вынул из его волос шпильку и начал аккуратно расправлять рассыпавшиеся пряди. Он выбрал несколько наиболее запомнившихся случаев и стал рассказывать: — Когда я вернулся, говорили, что от меня веет «злой аурой». Несколько старших даже советовали отцу с матерью, чтобы я пока не жил дома, мол, могу «накликать беду» на родных...

Сюн Цзиньчжоу стоял очень близко. Нин Гуйчжу даже чувствовал исходящее от него тепло. Он невольно отвлёкся, размышляя, не слишком ли это близко и не становится ли ситуация слишком двусмысленной. Поэтому в слова он вник лишь в самом начале. Страх перед Сюн Цзиньчжоу, человеком, который прошёл войну и, вероятно, убил на поле боя многих, из-за чего и появились такие странные предложения... это, пожалуй, можно было понять.

Но...

Нин Гуйчжу сморщил нос и спросил:

— Все так говорили?

Сюн Цзиньчжоу не был до конца уверен.

— Наверное, не все. Когда они это говорили, от меня не прятались. Даже прямо предложили мне самому съехать. У меня тогда характер был... не очень, — сказал он. — Я не стал с ними церемониться. Потом многие начали говорить, что я не уважаю старших. Вот я и перестал с

ними общаться.

Сюн Цзиньчжоу, чей характер и сейчас был не намного мягче, сказал это совершенно спокойно.

У Нин Гуйчжу не было ни родителей, ни дедушки с бабушкой, не говоря уже о каких-то дальних родственниках. Услышав его слова, он лишь почувствовал, что в голове сплошные вопросы. Таких «старших» ещё и надо уважать?

Он только вздохнул, слегка хлопнул Сюн Цзиньчжоу по груди и, фыркнув, залез на кровать.

— Ну и жизнь у тебя была... прямо угнетённая.

Сюн Цзиньчжоу: ...???

Какое ещё «угнетённая»!

Он быстро снял верхнюю одежду, тоже забрался на кровать и бесцеремонно придвинулся ближе к Нин Гуйчжу:

— Да ничего не угнетённая. Стариков я трогать не мог, но у них ведь есть сыновья и внуки. В первые месяцы после моего возвращения мама вообще не давала мне работать, так что я от безделья ходил и дежурил возле их сыновей и внуков, поколачивал их. Теперь они даже громко со мной говорить не смеют.

— ...А? — Нин Гуйчжу растерялся. — Вы же... разве не выросли вместе?

Сюн Цзиньчжоу украдкой обнял фулана.

— Я же им руки-ноги не ломал. Ну подрался, и подрался.

— ...

Звучит очень логично... и всё же как-то странно.

Но настроение Нин Гуйчжу заметно улучшилось. Он улыбнулся и чуть ближе придвинулся к Сюн Цзиньчжоу. Затем вдруг спросил:

— Тебе ведь нравится, как мы сейчас живём? Ну... когда никто особенно не вмешивается?

Сюн Цзиньчжоу отвёл взгляд. Он промолчал, но Нин Гуйчжу и без слов понял ответ и тихо рассмеялся.

Ночь была спокойной и тихой.

— Мне тоже нравится, — сказал Нин Гуйчжу.

Собственными силами изолировать себя от всех - ха-ха.

<http://bllate.org/book/14958/1589211>